

Ellis Parker Butler
Pigs Is Pigs

ЭЛЛИС
ПАРКЕР БАТЛЕР
Свиньи-
всегда свиньи
и другие рассказы

Классика на все времена

Эллис Батлер

**Свиньи – всегда свиньи
и другие рассказы**

1905-1926

Батлер Э. П.

Свиньи – всегда свиньи и другие рассказы / Э. П. Батлер —
1905-1926 — (Классика на все времена)

ISBN 978-5-60-554524-8

Окунитесь в причудливый мир Эллиса Паркера Батлера с юмористическим сборником «Свиньи – всегда свиньи», в который вошли избранные рассказы писателя. Кроме «Свиньи – всегда свиньи», в книге представлены не менее забавные истории, исследующие глубины человеческих эмоций и показывающие все нелепости повседневной жизни. Остроумная проза и острая сатира Батлера – это вечное размышление о человеческом существовании и сводящих с ума хитросплетениях бюрократии.

ISBN 978-5-60-554524-8

© Батлер Э. П., 1905-1926

Содержание

Свиньи – всегда свиньи	6
Блохи – все же блохи	12
Триста слов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эллис Паркер Батлер

Свиньи – всегда свиньи и другие рассказы

Ellis Parker Butler «PIGS IS PIGS»

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Свиньи – всегда свиньи

Майк Фланнери, агент «Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов» в Весткотте, стоял в своей конторе за прилавком и потрясал кулаками. А по другую сторону прилавка стоял мистер Морхауз. Спор двух упрямых людей, раскрасневшихся от досады и гнева (а Фланнери и Морхауз были упрямы, как дюжина верблюдов: Майк был ирландец, а Морхауз – человек принципиальный), длился уже с полчаса и велся далеко не в парламентских выражениях. А предмет их ожесточенного спора мирно покоился посередине на прилавке. Это был самый обыкновенный ящик из-под мыла, обтянутый сверху вместо крышки сеткой из проволоки, наподобие клетки. На дне ящика пара пятнистых морских свинок жадно пожирала салат.

– Поступайте, как хотите! – кричал Фланнери. – Или платите и забирайте вашу посылку, или не платите, и я уберу их обратно на полку. У меня есть инструкция, мистер Морхауз, и Майк Фланнери не для того тут поставлен, чтобы ее нарушать. Да!

– Что за безнадёжный идиот! – орал мистер Морхауз, тыкая в нос агенту тощую засаленную книжку инструкций. – Да почитайте вы как следует ваши тарифы: «Кролики домашние из Франклина в Весткотте в хорошей упаковке 25 центов за штуку».

Он швырнул книжку на прилавок.

– Ясно? Какого же дьявола вам еще надо? Разве это не кролики? Разве они не домашние? Разве они не в хорошей упаковке? Ну?

И, задыхаясь от раздражения, он принялся шагать по конторе; потом вдруг повернулся к Фланнери и, стараясь говорить спокойно, произнес:

– Кролики! Понимаете, кролики. Двадцать пять центов за штуку. Вот здесь сидит пара, видите: один, два! Дважды двадцать пять будет пятьдесят... пятьдесят, понимаете? Вот 50 центов. Можете их получить.

Фланнери не спеша открыл книжку, порылся в ней и остановился на 74 странице.

– А я не возьму ваших 50 центов; вот тут вам черным по белому написано: «Если агент (т. е. я, стало быть) находится в сомнении, которую из статей применить, он должен выбирать ту, которая выгодна компании». Вот. Сейчас, мистер Морхауз, я нахожусь в сомнении. Может быть, эти животные кролики, может быть, и домашние, но они могут быть также и свиньи; а про свиней мой справочник говорит вот что: «Свиньи из Франклина в Весткотт – 30 центов за штуку». И, насколько я знаю арифметику, дважды тридцать будет не пятьдесят, а шестьдесят. Да.

– Глупости! – завопил мистер Морхауз. Чепуха! Поймите вы, умная голова, что этот тариф относится к обыкновенным свиньям, домашним свиньям, а не к гвинейским морским свинкам.

Но Фланнери оставался непоколебимым.

– Свиньи – всегда свиньи, – отпарировал он. – Гвинейские ли, датские, ирландские – это все равно для Междугородной Компании и Майка Фланнери. Относительно их национальности я не имею возможности судить; да этого мне не предписывают и правила. По мне, что голландские, что русские свиньи – все равно. Свиньи всегда свиньи. Майк Фланнери поставлен тут, чтобы охранять интересы компании, а не для того, чтобы разговаривать со свиньями на их языке, пытаясь, где их родина.

Мистер Морхауз даже захлебнулся от негодования.

– Ладно же! – крикнул он. – Вы обо мне еще услышите и ваше начальство тоже. Ведь это же наглость! – обратился он непосредственно к своим свинкам. – Вы подумайте только: я ему даю пятьдесят центов, а он не желает их брать. Каково? Ну, что же, пусть свинки постоят

у вас, пока вы не согласитесь получить пятьдесят центов! Но, клянусь, если они не будут в исправности, я привлеку вас к суду!

И Морхауз вышел, хлопнув дверью.

Фланнери снял ящик с прилавка и бережно поставил в угол.

Он вовсе не испугался угрозы мистера Морхауза; он чувствовал, что честно выполнил свой долг.

Мистер Морхауз вернулся домой в ярости. Его сынишка, нетерпеливо ждавший свинок, понял это сразу и не стал предлагать бесполезных вопросов. Он был умный ребенок и знал, что попадаться отцу в такие минуты небезопасно.

Мистер Морхауз грозно вошел в дом.

– Где чернила? – с порога закричал он жене.

Миссис Морхауз виновато заморгала глазами. Она никогда не употребляла чернил. Она никогда не видала чернил, не трогала их, никогда не думала о чернилах, но, видя супруга в таком раздражении, робко ответила:

– Сейчас принесу, Сэмми.

Мистер Морхауз за один присест накатал письмо и встал из-за стола, торжествующе ухмыляясь.

– Попадет же этому чертову ирландцу. Он у меня узнает, где раки зимуют!

Через неделю мистеру Морхаузу принесли с почты заказное письмо: длинный официальный пакет со штемпелем «Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов». Он поспешно разорвал конверт и вынул оттуда листок бумаги под номером А-6574. Письмо было очень краткое:

«Мы получили ваше уважаемое письмо, адресованное на имя председателя Компании, с жалобой на нарушение правил Компании при пересылке гвинейских морских свинок из Франклина в Весткотт. Сообщаем вам, что все претензии на неправильное применение тарифа должны направляться в отдел жалоб и претензий».

Мистер Морхауз немедленно написал ядовитое и злое письмо на шести больших страницах и отправил его в отдел жалоб и претензий. Через две недели он получил свое письмо обратно с таким ответом:

«Ваше письмо от 16-го сего месяца, адресованное в отдел жалоб и претензий, относительно гвинейских свинок, отправленных из Франклина в Весткотт, – нами получено. Мы запросили об обстоятельствах дела нашего агента, и копия с его рапорта при сем прилагается. Он доносит нам, что вы отказались принять посылку и уплатить следуемую за провоз сумму. Так как вы жалуетесь только на неправильное применение тарифа, то вам надлежит обратиться в тарифный отдел».

Мистер Морхауз написал в тарифный отдел. Он точно и ясно изложил все дело, привел самые серьезные аргументы в защиту своего мнения, что гвинейские свинки – не свиньи, и подкрепил их выпиской трех страниц из энциклопедии. Письмо мистера Морхауза было получено, занумеровано и пошло обычным порядком; копия счета, копии первых писем, копия рапорта Фланнери и дюжина других необходимых справок были приколоты к этому письму, и вся эта кипа бумаг поступила к начальнику тарифного отдела.

Начальник положил ноги на стол, зевнул и бегло просмотрел жалобу.

– Мисс Коп! – крикнул он стенографистке, – запишите:

«Агенту в Весткотт. Прошу объяснить, почему посылка с кроликами не была выдана адресату?»

Мисс Коп быстро нацарапала в своем блокноте ряд крючков и закорючек. Начальник еще раз перелистал бумаги.

– Гм... Гвинейские свинки... свинки... Н-да... Может быть, они уже подошли за эти два месяца?.. Мисс Коп! Пишите:

«Ответьте, в каком состоянии посылка в настоящее время».

Он бросил пачку бумаг на стол, снял ноги со стола и отправился завтракать.

Майк Фланнери, получив письмо тарифного отдела, покачал головой:

– В каком состоянии посылка в настоящее время, – повторил он задумчиво. И что это им все нужно знать, этим клеркам, удивляюсь... В каком состоянии? Насколько мне известно, в отличном. По крайней мере, я ни разу не звал ветеринара. Может быть, этим клеркам хочется знать, какой пульс у свиней? Смешно! Одно я знаю твердо: у них более чем свиной аппетит. Даже не по росту. Они слопали пару голенищ и ящик свечей. Если бы наши бедные ирландские свиньи могли питаться так, как эти обжоры...

Ворча, он отправился в кладовую и заглянул в большой ящик из-под машинных частей, где теперь сидели свинки; прежний для них стал уже тесноват.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, – сосчитал он. – Семь пятнистых и одна черная. Все чувствуют себя прекрасно и жрут, как гиппопотамы, – резюмировал он свои наблюдения и пошел писать ответ:

«Мистеру Моргану, начальнику тарифного отдела. Я нахожу, что морские гвинейские свиньи – свиньи, а не что-нибудь иное, и всегда буду считать их свиньями, если вы мне не предпишете считать их за что-нибудь иное. А что касается до их здоровья, то чувствуют они себя превосходно. Их теперь восемь штук, недурная семейка; едят во всю. Я уже истратил два доллара им на прокорм. Куда прикажете подать счет?»

Начальник тарифного отдела, получив это курьезное письмо, засмеялся, потом, перечитав, призадумался.

– Черт возьми! – сказал он. Фланнери прав: свиньи – всегда свиньи. Но все же... Мисс Коп, пишите:

«Агенту. Весткотт. Что касается посылки с гвинейскими свиньями № А-6754, то правило 83 „Главной Инструкции Агентам“ ясно говорит, что агенты должны взыскивать с получателя всю стоимость содержания, прокорма и т. д., и т. д., всех затрат, производимых во время перевозки или хранения. Предлагается вам получить причитающуюся вам сумму с адресата».

Фланнери получил письмо на следующее утро и, прочитав его, осклабился.

– Предлагается вам получить... Как эти клерки ловко выражаются. Мне предлагают получить два доллара двадцать пять центов с Морхауза. Вот ловко-то будет!.. «Мистер Морхауз, с вас следует два доллара двадцать пять центов». – «Совершенно верно, мой дорогой друг, Фланнери... Очарован вашим посещением... Получите ваши деньги»... Фланнери отправился к Морхаузу.

На звонок вышел сам мистер Морхауз.

– Ха-ха! – засмеялся он. – Сдались-таки? Поняли, что дурака валяли? Я был уверен, что вы придете. Ну, вытаскивайте ящик.

– Никаких ящиков, – холодно ответил Майк. – А вот счет мистеру Джону Морхаузу на два доллара двадцать пять центов за капусту, съеденную его свиньями гвинейской национальности. Угодно вам заплатить?

– Какая капуста? Вы хотите сказать, что пара крошечных свинок...

– Восемь, – поправил Фланнери. – Папа, мама и шестеро младенцев, с вашего позволения. Всего – восемь. Итак...

Вместо ответа Морхауз свирепо захлопнул дверь.

Майк задумался: по-видимому, адресат не хочет платить за капусту, съеденную его посылкой. Насколько я знаю правила, это значит, что мне не с кого получить мои два доллара двадцать пять центов.

Мистер Морган, начальник тарифного отдела, сидел в кабинете председателя «Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов», обсуждая вопрос о гвинейских свинках. Взгляд председателя был прост и логичен:

– Каков тариф для свиней и кроликов? Свиньи – 30 центов, кролики – 25 центов. Тогда, конечно, они свиньи.

– Совершенно верно. Я тоже так думаю. Предмет, который можно оценить двумя способами, нужно оценивать по высшей ставке. Но дело в том, свиньи они или нет. Может быть, они – кролики?

– Гм... очень может быть. Я думаю, что гвинейские свинки скорее кролики. Так сказать, промежуточное звено между кроликами и свиньями. По-моему, вопрос надо ставить так: принадлежат ли гвинейские свинки к семейству домашних свиней? Я запрошу профессора Гордона; он специалист по этим делам. Оставьте мне бумаги. Председатель положил бумаги на стол и написал запрос профессору.

К несчастью, профессор в это время путешествовал по Южной Америке, охотясь за зоологическими редкостями, и письмо было переслано ему женой. Пока профессор блуждал по вершинам Анд, письмо скиталось по Южной Америке. Председатель успел забыть о свинках. Забыл о них и мистер Морган и мистер Морхауз. Но не забыл о них Фланнери. Половину своего времени он уделял службе, а другую половину посвящал свинкам. Вскоре начальник тарифного отдела получил новое письмо:

«Что касается этих свиней, я не знаю что и делать с ними. Они плодятся, их теперь тридцать две. Либо их продавать, либо позвольте занять для них станционное помещение. Отвечайте скорее».

Морган схватил телеграфный бланк и написал:

«Агенту. Весткотт. Не имеете права продавать посылку».

Затем он написал Фланнери подробное письмо с объяснением, что свинки не принадлежат компании и что их следует задержать до разрешения вопроса. Он рекомендовал лучше ухаживать за ними, чтобы не навлечь нареканий на компанию. Фланнери прочел письмо и вздохнул: самый большой ящик стал уже тесен для свинок.

Майк отмерил 30 футов станционного помещения, сдвинул оттуда все ящики, устроил загородку и пустил свинок. Потом возвратился к своим делам. Теперь он работал с лихорадочной быстротой, чтобы поскорее справиться с делами и бежать к свинкам. А они требовали большого ухода.

Через некоторое время Майк пришел в отчаяние; он взял клочок бумаги, написал на нем крупно: «160» и отправил Моргану.

Морган вернул бумажку, спрашивая, что это такое?

Фланнери отвечал:

– Теперь их 160 штук, этих свиней. Позвольте хоть часть их продать. Я не в силах за ними ухаживать.

– Не продавайте свиней, – телеграфировал Морган.

Вскоре после этого председатель Компании получил письмо от профессора Гордона. Это было длинное ученое послание, но самое главное заключалось в двух строках. Профессор писал, что морские свинки принадлежат к разряду *Cavia aporea*, тогда как обыкновенные свиньи к *Sus* из семейства *Suidae*. Он писал еще, что гвинейские свинки весьма плодовиты.

– Они не свиньи, – сказал председатель. – Их тариф 25 центов за штуку.

Морган сделал соответствующую резолюцию на деле № А-6754 и передал его в исполнительский отдел.

Там оформили дело и известили Фланнери, что имеющиеся у него 160 гвинейских свинок он должен передать адресату, взыскав с него по 25 центов за штуку и особо за их содержание.

В этот день Майк бросил все дела и пересчитал свинок. Потом написал рапорт:

«Конечно, вы имели право думать, что их 160; но их стало теперь 800 штук. Я истратил на капусту 64 доллара».

Экзекуторский отдел не сразу уразумел, почему свинок стало 800 и о какой капусте идет речь.

Свинки вытеснили Фланнери в уголок конторы и заняли всю остальную площадь. Согласно распоряжения компании, Майк нанял для ухода за ними двух мальчиков.

На следующий день Майк пересчитал свинок: их стало на 8 штук больше, а когда, наконец, экзекуторский отдел согласился на цифру 800, их было уже 1064 штуки. Фланнери обнес загородкой контору и отдал ее под хлев свинкам. А число их все увеличивалось.

Экзекуторский отдел слал письмо за письмом, но Майк был слишком занят, чтобы их читать. Наконец, нарочный вручил ему телеграмму:

«Ошибка в счете за гвинейских свинок. Взыщите только за пару 50 центов и скорее сдайте всех адресату».

Прочтя телеграмму, Фланнери обрадовался. Он написал счет и бегом пустился к дому Морхауза. У калитки он замер, как в столбняке. Дом смотрел на него пустыми окнами, а на столбе террасы висела дощечка: «Сдается».

Мистер Морхауз уехал.

Фланнери пошел обратно. 69 свинок родилось в его отсутствие.

В городе Майку сказали, что Морхауз не просто переменил квартиру, а выбыл из города неизвестно куда.

Майк послал телеграмму в экзекуторский отдел:

«Не могу получить 50 центов за пару свинок, адресат выбыл неизвестно куда. Что делать? Фланнери».

Эта телеграмма была вручена клерку экзекуторского отдела, который, смеясь, сказал товарищам:

– Надо велеть ему прислать все стадо в главную контору, а то они в самом деле съедят беднягу.

И он телеграфировал Майку приказ об отправке свинок во Франклин.

Получив приказ, Фланнери немедленно принялся за работу с шестью мальчуганами. С энергией отчаяния сколачивали они клетки из всех имеющихся ящиков, набивали их свинками и немедленно отправляли во Франклин.

День за днем клетки с гвинейскими свинками непрерывным потоком лились из Весткотта во Франклин, а Фланнери с помощниками работал, не покладая рук. К концу недели они отправили 280 клеток со свинками, а число свинок не убывало.

«Остановите посылку свинок. Склады переполнены», – телеграфировали из Франклина.

«Не могу остановиться», – отвечал Фланнери, и посылал, посылал...

Со следующим поездом из Франклина прибыл инспектор компании. Он имел категорические инструкции приостановить наводнение свинок, принимавшее характер стихийного бедствия. Выйдя на станцию, он увидел ряд вагонеток. У самой конторы стоял открытый товарный вагон и десяток мальчиков таскали туда кульки, корзины и мешки, набитые какой-то живностью. Сам Фланнери стоял посреди комнаты без куртки, засучив рукава, сгребал угольной лопатой свинок и наполнял ими корзины, кульки, мешки... Он не обращал внимания на инспектора:

– Оставьте меня в покое. Когда вагон будет полон, я избавлюсь от этих тварей. Клянусь никогда не иметь дело с иностранными свиньями. Да, сэр, они чуть не утомили меня... последние дни я спал на крыше вагона. Уже в следующий раз я буду знать, что свиньи – не свиньи, а кролики. Правила – правилами, но вторично Майк Фланнери не останется в дураках!.. Когда вопрос идет о жизни и смерти, к черту все правила! Да! И пока Фланнери будет стоять за этим

прилавком, свиньи – не свиньи, а кролики, коровы – тоже кролики, лошади – кролики, и львы, и тигры, и серны скалистых гор – тоже кролики по 25 центов за штуку – и ни гроша больше.

Фланнери задохнулся от усталости и остановился. Оставалось уже немного свинок – сотня, не больше. Когда он увидел, что все они влезут в три мешка, то сразу повеселел.

– Отлично, – весело сказал он, – а ведь могло быть и хуже! Что бы я делал, если бы это были не морские свинки, а... слоны? А?

Блохи – все же блохи

Майк Фланнери считался самым почтенным жильцом меблированных комнат миссис Мелдун и находил это вполне заслуженным, так как был постояльцем миссис Мелдун уже много лет и состоял агентом «Междугородней Железнодорожной Компании Экспрессов» в Весткотте, а все остальные жильцы были лишь временные, находясь в городе проездом.

– Майк, – сказала однажды за завтраком миссис Мелдун, мне известно ваше мнение об этих «даго» [*«Даго» («Dago») – от испанского слова «Diego» называют в Соединенных Штатах южноамериканцев, испанцев, португальцев и итальянцев. – Здесь и далее прим. ред.*], и я никогда не пускала их в мой пансион. Я, как и вы, считаю, что эти грязнули отбивают кусок хлеба у честных тружеников-американцев. Я, конечно, никогда не пустила бы их к себе. Но скажите пожалуйста, французы тоже «даго»?

Фланнери на миг поднял руку, сжимающую нож и, словно перерезая невидимое препятствие, опустил ее обратно на стол.

– Миссис Мелдун, мадам, – ответил он, есть два сорта французов. Французы приличные и французы неприличные. И те, и другие – иностранцы, но относиться к ним следует по-разному. Приличный француз ничем не хуже голландца, но все неприличные французы – «даго». С голландскими французами беспокойства мало, потому что среди них водятся такие, как Наполеон Бонапарт и прочие замечательные личности, но с французами «даго» я не советую вам иметь дела. Это пренеприятный народ.

– Сегодня утром один француз просил меня сдать ему комнату с пансионом, – продолжала миссис Мелдун.

Фланнери многозначительно кивнул головой.

– Так я и знал! – воскликнул он. – Это мне стало ясно с первого вашего слова, мадам! Так вот: против голландского француза я ничего не имею. Если он француз-голландец, то пускай себе живет. А кто он такой?

– Право, не знаю, – ответила смущенная миссис Мелдун. – Он очень любезный человек и, кроме того, профессор.

– Есть разные профессора, произнес Майк.

– Конечно! – согласилась миссис Мелдун. – Он профессор по блохам.

Майк Фланнери ухмыльнулся себе в тарелку.

– Слышал я о таких, – заметил он. – Но только они профессора по всяким насекомым, а не по одному какому-нибудь сорту, миссис Мелдун, мадам! Вы, наверно, его не так поняли.

– Прошу прощения, мистер Фланнери, – возмутилась миссис Мелдун, но я вовсе не ошибаюсь. Профессор говорил именно о блохах.

– Неужели? – спросил Фланнери. Что же, может быть, это так и есть. Он, может быть, из тех, кого называют специалистами. Теперь таких много, и, очевидно, специальность этого француза – блохи. Это делается так, мадам: сперва все профессора – только профессора; потом кучка профессоров отделяется от остальных и становится профессорами по части насекомых; потом профессора по насекомым тоже разделяются, и один становится профессором по блохам, другой по навозным жукам, третий по жабам, четвертый – по крабам и так далее, пока у каждого сорта насекомых не появится собственный профессор. Их называют специалистами, и каждый из них знает о своих насекомых больше всех в мире. Может быть, этот ваш француз действительно профессор по блохам, как он говорит.

– Я думаю, что взрослому человеку лучше быть профессором каких-нибудь более крупных животных, чем блохи, – задумчиво произнесла миссис Мелдун, – но, конечно, вкусы разные.

– Вы меня не поняли, мадам, – сказал Майк, – это совсем не так; для профессора блохи могут казаться такими же большими, как дом. Он их изучает через телескоп, миссис Мелдун, который самую маленькую блоху увеличивает в миллион раз. Профессор возьмет блохастую собаку и начнет рассматривать в телескоп; тут уж каждая блоха кажется ему в десять раз больше собаки.

– Вот удивительно! – всплеснула руками миссис Мелдун.

– Конечно! – подхватил Майк Фланнери. – Благодаря такому увеличению профессор может годами изучать самых мелких насекомых, каждый день открывая в них все новые и новые красоты. Сегодня, скажем, он изучает какой-нибудь палец на задней левой ноге у блохи, завтра заносит его на карту, послезавтра снимает гипсовую маску, потом фотографирует, затем записывает все, что узнал об этом пальце, и целыми неделями и месяцами ведет переписку с другими профессорами во всех частях света, узнавая, как согласуется то, что он узнал о пальце левой задней ноги у блохи, с тем, что они знают о нем. Если же они не все согласны между собой, то он принимается за дело снова и проделявает все с начала; может случиться, что он умрет, дожив до девяноста лет и изучив только левую заднюю ногу блохи. Тогда другой профессор продолжает его дело и добирается до второй ноги.

– Неужели им за это платят? – удивленно спросила миссис Мелдун.

– А то как же? – ответил Фланнери. И большие деньги. Хороший профессор-специалист зарабатывает не меньше, чем агент компании экспрессов. Понятно, так и следует, прибавил он великодушно, потому что, изучая блох, они узнают, как выгонять микробов и как вырезать аппендицит, и пишут книжки: «Надо ли жениться» и тому подобное.

– Вы меня прямо поразили, Майк Фланнери, – вздохнула миссис Мелдун. – Вы, наверное, и сами один из таких профессоров, раз так много знаете. Итак, вы думаете, что я могу пустить этого французика и сдать ему комнату?

– Конечно, сочту за честь пожать руку такому человеку, – ответил Майк Фланнери. И таким образом профессор был принят в число жильцов миссис Мелдун. Фамилия профессора, который поселился у миссис Мелдун после неудачного сезона на Кони-Айленд [*Кони-Айленд – грандиозный нью-йоркский луна-парк на острове*], – была Джоколино. Он гастролировал с успехом со своими дрессированными блохами по Франции, даже в Париже, но сделал большую ошибку, привезя их в Америку. Профессор был маленький человечек, очень неразговорчивый. Вероятно, он молчал потому, что ему не везло. Он поставил свой багаж в отведенную ему комнату, и большую часть времени проводил в Нью-Йорке. Там Он разыскал земляков и пытался заключить заем на покупку белых ботинок, чтобы в них выступать со своими дрессированными насекомыми. Он очень холодно принял дружеские авансы Майка Фланнери и других жильцов. Он отказался дать объяснения о своей специальности и показать Майку в телескоп палец на левой задней ноге блохи. Когда он оставался дома после обеда, то не сидел на веранде, как все другие жильцы, а задумчиво шагал взад и вперед, куря одну папиросу за другой, разговаривая сам с собой и размахивая руками.

– Не знаю, что такое с профессором, – сказала как-то миссис Мелдун, когда они с Фланнери остались еще за столом, а другие разошлись.

Фланнери задумался.

– Я не люблю утверждать голословно, мадам, – промолвил он тихо, – но полагаю, что он что-то потерял, и это сильно повлияло на его мозги. С той самой минуты, миссис Мелдун, как вы мне сказали, что он профессор ученых блох, я тотчас же усомнился в здравом уме профессора. Смысл изучения блох я еще могу постичь, мадам, потому что так делают все теперешние профессора, но бессмысленно тратить время, чтобы давать блохам образование. Человек, который опускается до того, что становится блошиным учителем, учит их всяким премудростям: читать, писать, арифметике и даже, может быть, футболу, – это, как хотите, очень странно, миссис Мелдун, простите за откровенность. В кофейнике еще остался кофе, мадам?

– Немного осталось, мистер Фланнери! Позвольте, я вам налью.

– Я еще понимаю человека, который обучает лошадь, как тот голландец, о котором я как-то читал в воскресной газете, – продолжал Майк. Он учит ее читать, считать и так далее. И я могу найти смысл в обучении свиньи, потому что, мадам, как вы, наверное, знаете, наукой установлено, что человек может любить лошадь или свинью так же, как собственную жену...

А почему же не любить блох? – прервала его миссис Мелдун. – Раз ирландец любит свинью, если она достойна того, а голландец любит лошадь, то почему бы французу и не любить блох, мистер Фланнери?

– Я говорю то же самое о профессоре, миссис Мелдун, мадам! – ответил Фланнери. – Я говорю, что он учит блоху, может быть, вырастил ее и привез с своей родины, мадам, и привязался к ней. Да, миссис Мелдун! Но если пропадет ученая лошадь или ученая свинья, как вы думаете, будет легко разыскать ее, или нет, мадам? А если профессор привязался к блохе, которую он вынянчил и выкормил и считает в роде собственной дочери, и блоха убегает от него, легко ли будет ему найти эту ученую блоху? Лошади и свинье, миссис Мелдун, мадам, не так-то легко скрыться. Блоху же трудно отыскать, а если ее найдете, то еще труднее прибрать ее к ногтю. И вот я думаю, что профессор грустит потому, что потерял одну из своих любимых блох.

– Бедняга! – вздохнула миссис Мелдун.

– И знаете, почему я так думаю? – продолжал Майк шепотом, наклоняясь через стол к хозяйке. – Потому что, если я не ошибаюсь, миссис Мелдун, мадам, ученые блохи профессора провели эту ночь в постели Майка Фланнери.

Миссис Мелдун в удивлении всплеснула руками.

– Нет! Вы только послушайте! – воскликнула она. – Майк Фланнери, да неужели вы думаете, что у профессора две ученые блохи? Хотя, конечно, у него не менее двух ученых блох! Я сама прошлой ночью чувствовала, что меня кусает блоха, и не простая, а ученая. Я хотела поймать ее, прибавила она с досадой, – но она слишком проворна для меня.

– А я это чувствовал не один раз, а ровным счетом сорок семь раз, – заметил Фланнери, – но каждый раз, когда я хотел ее поймать, она прыгала. Но я все-таки ее поймаю этой ночью!

– Но, может быть, ее уже нет? – предположила миссис Мелдун.

– Не беспокойтесь, мадам, – сказал Фланнери. – Она не ушла, мадам, она... Я чувствую ее присутствие. Я мог бы ее поймать сейчас, если бы только она подождала, пока я ее ухвачу.

– Я нахожу, мистер Фланнери (тут миссис Мелдун, подергиваясь, встала из-за стола), что с вашей стороны не деликатно говорить о таких вещах в присутствии дамы. Если хотите знать, то я бы тоже могла поймать свою блоху тут же, на месте...

Ученые блохи – чудо природы. По крайней мере, так считают. Пусть Бобби Бернс в поэме пишет об этом крошечном, пугливо прячущемся создании. По правде говоря, блоха совсем не труслива. Блоха в добром здравии и в хорошем настроении очень смела. Она храбрее раз в десять, чем лев; в самом деле, одна-одинешенька беззащитная крошка-блоха нападает на льва и не хвалится своей смелостью. Наоборот, лев трус по сравнению с блохой, потому что он никогда не нападает, не надеясь убить свою жертву, тогда как маленькая, но отважная блоха смело атакует животное, которое она никак не может убить, и знает это. Давид все же надеялся убить Голиафа в единоборстве, но какой шанс может иметь блоха, нападающая на верблюда? Никаких, разве только, что верблюд решит покончить самоубийством. А собаки!.. Блоха храбро атакует самую свирепую собаку, совершенно не боясь ее ярости. Я сам это наблюдал. Это подлинная храбрость. И не только одна какая-нибудь исключительно храбрая блоха, а сотни блох способны атаковать собаку одновременно. И это еще более увеличивает блошиную храбрость. Я это сам наблюдал. Если она, блоха, атакующая собаку, – храбра, то сотни блох, атакующих ту же собаку сразу, во сто раз храбрее. Мы должны будем удалить собаку, – слишком уже много в ней засело блошиной храбрости.

Подумайте только дрессированное существо с объемом мозга не больше кончика самой тончайшей иголки. И профессор Джоколино занимался этим. Блоха такое чудо природы, как Ниагарский водопад, как Джоджо, человек с собачьей мордой, как Большой Каньон в Колорадо. Сила? Ученая блоха для своего объема обладает невероятной мощностью, примерно, в десять лошадиных сил. Прыжки? Опять-таки, при своей величине, блоха прыгает в сорок раз выше самого первоклассного прыгуна. Ее броня тверже, чем броня носорога. Представьте себе носорога, задумчиво стоящего на Мэдисон-Сквере, в самом центре Нью-Йорка, и вообразите, что вы до него добрались и хотите до него дотронуться, и протягиваете руку. Но прежде, чем вы прикоснулись к носорогу, он делает прыжок и прорезает воздух с такой бешеной быстротой, что ваш глаз не улавливает его полета, и прежде чем ваша рука дотронулась до того места, где стоял носорог, он уже преспокойно сидит на крыше муниципалитета Филадельфии. Этот пример даст вам некоторое понятие о замечательных способностях блохи. И если бы мы знали побольше таких фактов об обыденных вещах, мы больше бы интересовались окружающим.

За завтраком на следующее утро профессор Джоколино сидел на своем месте, молчаливый и угрюмый, уткнувшись в тарелку, а остальные девять человек подозрительно на него посматривали. Особенно миссис Мелдун. Теперь всем стало ясно, что профессор Джоколино потерял любимую ученую блоху. Несомненно, у профессора была не одна ученая блоха, и он их растерял. Кроме того, оказалось, что как ни были тренированы блохи, они не научились хорошим манерам и деликатному обращению с незнакомыми людьми. Животное, которое, найдя приют у незнакомого человека, потом начинает его кусать, вряд ли можно назвать вежливым, хотя бы оно и было отлично дрессировано. Жильцы пансиона смотрели на профессора Джоколино и хмурились. Профессор упорно смотрел в тарелку, быстро глотал и встал из-за стола раньше всех.

– Думается мне, – сказал Фланнери по уходе профессора, – что у профессора целый колледж этих ученых насекомых, и он распустил их на летние каникулы. А, может быть, они разошлись, выдержав выпускные экзамены. Этой ночью блохи точно устроили на мне матч в футбол или бейсбол.

– Ого! – мрачно заметил жилец Хоган. – Сегодня в постели у Хогана эти насекомые-спортсмены показывали свою удаль в прыжках в длину и высоту. И я буду одним из тех десяти свободных граждан Американских Соединенных Штатов, которые будут настойчиво требовать, чтобы профессор отозвал своих учеников обратно. Я необразованный человек, миссис Мелдун, и я совсем не хочу отзываться непочтительно о людях образованных, но самые изысканные научные разговоры французских ученых блох наконец надоедают неученому человеку, который хочет спать.

– Я поговорю с профессором, джентльмены, – сказала миссис Мелдун, – и поставлю это ему на вид. Мэри, дитя мое, обратилась она к служанке, – не почешешь ли ты у меня между лопатками? Я обязательно поговорю с ним, Джентльмены; я уверена, что стоит сказать профессору только слово – и его ученики соберутся к нему обратно.

Но профессор в этот день не вернулся. У него, вероятно, были важные дела в Нью-Йорке, потому что он провел там ночь и весь следующий день, и, не уплати он вперед за комнату, миссис Мелдун предположила бы, что он попросту сбежал. Но счет был оплачен, багаж стоял в комнате, и ученые блохи, или их многочисленное потомство, распоряжались в меблированных комнатах, как хотели. Не будь профессор в отъезде, он услышал бы настойчивые протесты жильцов. Наконец Фланнери решил действовать.

Это случилось поздно вечером в воскресенье. В темноте столовой появился без сапог, в носках, Фланнери. Он осторожно открыл дверь в комнату профессора. В комнате было почти темно. Фланнери проскользнул туда и закрыл за собой дверь, потом вытащил из кармана порошок от насекомых и стал пускать его во все стороны. Он держал в руке инструмент, похожий на пистолет, выбрасывающий длинную струю порошка, распылявшегося во все стороны. Поро-

шок был легкий, желтый, и Фланнери засыпал всю комнату. Он посыпал занавески, постель, портрет покойного мистера Мелдуна и особенно пол. Наклонялся и прыскал под кровать и под умывальник, пока слой желтого порошка не покрыл всю комнату. Потом направился к платянному шкафу. Там висели костюмы профессора Джоколино; Фланнери поснимал их с крючков, перенес на постель и тщательно пересыпал желтым порошком.

В тот момент, когда он насыпал порцию порошка в карманы брюк, дверь отворилась и на пороге появился профессор Джоколино. Он решил, что его обкрадывают, выхватил из кармана револьвер и выстрелил. Пуля взвизгнула над головой присевшего Фланнери, но прежде чем профессор успел выстрелить вторично, Фланнери выпрямился и метко пустил в лицо профессора заряд порошка. Ядовитое желтое снадобье попало прямо в лицо профессору, и прежде чем он смог протереть глаза, Фланнери схватил его за шиворот и выбросил на лестницу. Совершенно верно: он спустил его с лестницы. Вовсе не с намерением убить или с иным злым чувством, но в состоянии некоторого психологического аффекта, как говорят адвокаты. Обстоятельства были исключительные, и оправдывали поступок Фланнери. Но профессор, как иностранец, мало смыслил в американских обычаях и потому рассердился.

Эту ночь профессор не был в Весткотте, но на следующий день он появился в меблированных комнатах миссис Мелдун в сопровождении мсье Жюля, известного ресторатора с Седьмой Авеню, и мсье Рено, занимающего важный пост гарсона в высоком учреждении мсье Жюля.

– Насчет пинка, – сказал профессор, – я ничего не имею против. Меня выталкивали не раз. Удар джентльмена я принимаю, я отмишаю. Не будем говорить об этом, мадам Мелдун! Я ничего не говорю про этот удар, но о блохах! Ах, мои бедные блохи! Простите мои слезы, мадам Мелдун!

Профессор вытер глаза платком. Его приятели смотрели серьезно и торжественно и похлопывали его по плечу: – Ах, мой бедный Альфонс, блохи! Бедные маленькие блошки! – восклицали они.

– За блох я требую возмещения! – сердито воскликнул профессор. – Как это у вас говорится? Я хочу награду. Награду я должен получить. Зачем тогда я привозил умных ученых блох в эти Соединенные Штаты? Для того, чтобы их здесь уничтожили? Для того, чтобы всякий Фланнери умерщвлял их порошковым пистолетом? Для того разве я учил, воспитывал, любил и лелеял этих блох? Для того я оставил жену, свою patrie, и эмигрировал себя и свои блохи из милой далекой Франции? Нет, мой Жюль! Нет, мой Жак! Нет, мадам! Ах, у меня сердце разбито!

– Успокойтесь, профессор, – сдержанно заметила миссис Мелдун, – не надо плакать. Какой толк убиваться над пролитым молоком? Если они сдохли, ничего не поделаешь. Я бы не заплакала даже при виде миллиона дохлых блох.

– Американских блох – нет! – горячо возразил профессор. Ирландских блох – нет! Блох en naturell – нет! Но ученых блох из la belle France? Блох, которых я любил и учил, считал, как своих сестер, своих дорогих возлюбленных невест? Блох, которые имели честь давать спектакль перед коронованными особами в Испании; которые переехали через океан; которые видели так много стран и государств? Ах, мадам Мелдун, это не обыкновенные простые блохи. Какое несчастье! Что я могу сказать? Ничего! Что я скажу о моем треснувшем сердце? Ничего! Но за этих блох, за этих бедных умерших блох, невинных, беспомощных, таких дорогих, за них должен меня вознаградить мсье Фланнери.

Миссис Мелдун удивленно уставилась на профессора.

– Что? Вы хотите заставить бедного Майка Фланнери заплатить уйму денег за этих негодных блох, которых он умертвил, когда у него колени вспухли, как от оспы. Я уже не говорю о других жильцах – воскликнула она. – Мне стыдно за вас, профессор! Привозить в Америку блох и выпускать их на свободу! Вы должны отказаться от этого, мистер профессор, если вы

не хотите опозорить бедную вдову, которой теперь всякий сможет сказать: Зачем вы пустили к себе этого «даго» с блохами?

Профессор и его друзья молча выдержали эту атаку и встали.

– Будьте так любезны, вежливо сказал профессор, – передать мсье Фланнери ультиматум мсье профессора Джоколино. Я привез в Соединенные Штаты одну сотню ученых французских блох. Я не говорю об их потомстве. Сколько там его было один миллиард, два миллиарда я не знаю, оставим это. Я так добр, что дарю мсье Фланнери это потомство. Но за сотню дрессированных французских блох он должен уплатить. Один доллар за каждую блоху должен уплатить, этот Фланнери! Это мой ультиматум, да! Я приеду в воскресенье в час с половиной. Деньги этого Фланнери должны быть готовы или я буду преследовать его по закону. Довольно!

Трое французов раскланялись и удалились. Целых пять минут сидела миссис Мелдун неподвижно, потом встала и отправилась в кухню. В конце концов, дело касалось Фланнери, а не ее, но она предпочла бы, чтобы профессор переговорил с Фланнери сам, а не через нее.

– Жулье! – воскликнул Фланнери, когда миссис Мелдун передала ему требование профессора. – Разумеется, я их передумал, этих ученых гадин, миссис Мелдун, и готов уплатить за убытки. Но, разумеется, не сто долларов, мадам! Разве когда-нибудь хоть один ирландец платил за блох! Неделю тому назад Майк Фланнери не дал бы и доллара за всех блох в мире! Но долг – это такая лошадь, на которой человек должен ездить, хочет он этого или не хочет.

Чем больше Майк думал об уплате ста долларов за сто дохлых блох, тем меньше это ему нравилось и тем больше он задумывался. Нельзя отрицать, что один доллар – умеренная цена за блоху, прошедшую все тонкости дрессировки. Вряд ли человек сможет, взяв простую блоху, обучить ее всем наукам, внушить ей хорошие манеры, научить ее танцевать и так далее дешевле, чем за доллар. Но сто долларов-большие деньги. Если бы дело было в одной блохе, Фланнери не стал бы спорить, но выложить сотню долларов за блох – бессмыслица. Он не мог поверить, что блохи стоят таких денег, и решил узнать рыночную цену на дрессированных блох. Но оказалось, что на рынке их не продают. Он только узнал, что правительство Соединенных Штатов провело когда-то через конгресс закон о стоимости насекомых. Он прочел в таможенном уставе, что пошлина на насекомых (не в сыром виде) 1/4 цента за фунт и 10%, ад валорем [*Ad valorem* (лат.) – со стоимости].

Найдя эту строчку в книге, Майк Фланнери, сидевший за конторкой в своем помещении на станции, нахмурился; потом расправил морщины, ухмыльнулся, захлопнул книгу и сунул ее в карман. Он был готов ко встрече с профессором.

– Добрый день, – сказал он весело, входя в воскресенье в маленькую гостиную, где сидел профессор со своими земляками. – Я пришел уплатить вам сто долларов, о которых мне говорила миссис Мелдун.

Профессор поклонился и ничего не ответил. Два джентльмена с Седьмого Авеню тоже поклонились и ничего не ответили.

– Я рад, что вы об этом заговорили, – добродушно продолжал Фланнери, – потому что для Фланнери платить долги чести одно удовольствие, и я бы не вспомнил о долге, не напомним о нем вы. Я думал, что это простые невоспитанные блохи, профессор!

– О, нет! – воскликнул профессор. – Очень воспитанные блохи! Ученые, мудрые блохи!

– Вот как! – сказал Фланнери. – И все до единой прибыли из Франции, профессор? Не так ли?

– Настоящие французские блохи, – объяснил профессор, – из Парижа. Импортные блохи.

– И подумать только, что вы всю дорогу везли их при себе, профессор! Ведь вы везли их при себе?

– Разумеется! – воскликнули все трое.

– И подумать только, что одна блоха стоит целый доллар! Ведь не могут не быть сырые блохи по такой цене, профессор?

– Нет, конечно, нет! – хором ответили трое.

– Итак: значит, не сырые и импортированные профессором! Удивительно странно, профессор, что я вчера прочел кое-какие законы о таких вещах, профессор! Вот она, эта книжка!

Фланнери вытащил сборник таможенных тарифов, разложил его на коленях и стал перелистывать.

– «Рогатый скот моложе одного года – два доллара с головы. Всякий иной, стоимостью ниже четырнадцати долларов, три доллара семьдесят пять центов за голову; при стоимости свыше четырнадцати долларов – двадцать семь с половиной процентов», – читал Фланнери. – Конечно, блох нельзя отнести к рогатому скоту, профессор! Также не подходят они к свиньям, пошлины на которых один доллар пятьдесят центов за штуку. Я знаком с блохами и могу подтвердить, что их отличит всякий, даже не специалист. Также их нельзя отнести к «лошадям и мулам» и к «овцам». Некоторых можно было бы, пожалуй, отнести к статье: «Все другие живые существа, особо не поименованные, двадцать процентов стоимости», но здесь нет специальных указаний о блохах. «Рыбы», – читал Майк. – Тоже нет. Какие же блохи рыбы?

Он перевернул несколько страниц и продолжал чтение удивительнейшего списка предметов, охватывающих все, что может понадобиться человеку. Трое французов сидели на кончиках стульев, нетерпеливо слушая его монотонное чтение.

– Хо, хо! Наконец-то! – воскликнул Фланнери. – Вот оно! Насекомые (не в сыром виде) – четверть цента с фунта и десять процентов ад валорем. Что это значит «ад валорем», я не знаю, но это замечательный тариф. Кто бы мог знать десять лет тому назад, что профессор Джоколино придет в Америку с сотней ученых блох (не сырых) в складках своего портплекда? Но конгресс – молодчина, он все предусмотрел. «Никаких даровых блох! – говорит он. – Посмотрите на бедных американских блох, сырых и неученых, и посмотрите, какую страшную борьбу ведут они, соперничая с европейскими, азиатскими и африканскими блохами! Долой дешевых привозных блох! – сказал конгресс. – Защитите бедное американское насекомое. Четверть цента с фунта, да еще десять процентов „ад валорем“ на европейских блох!»

Майк Фланнери потрясал книгой, а три джентльмена, слушавшие его горячую речь, вскочили в нетерпении.

– Вот что сказал конгресс! – объявил Фланнери, обращаясь к профессору. – Но тут поднялся сенатор от Калифорнии! «Стойте! – сказал он. – Погодите! Это хорошо для Востока, который может прожить без блох, но калифорнийцы обожают их, как родных братьев. Мы требуем беспошлинного ввоза блох!» Тогда поднялся сенатор от Нью-Йорка. «Я не возражаю против плана беспошлинного ввоза сырых блох, – сказал он, – раз в них существует потребность, как утверждает мой уважаемый коллега с Запада. Какое удовольствие имели бы наши национальные собаки, не будь блох? Но я подумал о семидесяти трех театрах, расположенных по Бродвею. Пострадают ли увеселительные заведения метрополии от привоза миллионов дрессированных блох из Европы? Неужели Шекспир, Веласкес и Моу лишатся заработка из-за нищих блошиных театров, приезжающих на Европы? Нет! Я настаиваю, чтобы тариф был снижен для насекомых до четверти цента с фунта и десять процентов ад валорем, – говорит сенатор, что даст возможность собакам получать сырых блох в любом количестве и уничтожить конкуренцию между дрессированными блохами с большей оперой и цирком Барнума». И так было постановлено, – закончил свою речь Майк Фланнери.

Мсье Жюль нервно взглянул на часы.

– Не беспокойтесь, – сказал Фланнери. Спешить некуда. Я поджидаю одного друга, который дока насчет тарифов. Его зовут О'Холлоран. Он второй помощник младшего следователя по расследованию дел о контрабанде, беспошлинном ввозе и взимании налогов в пользу Соединенных Штатов. Я счел за лучшее пригласить его разрешить мои сомнения насчет настоящей стоимости профессорских блох. Я сомневался, может быть, один доллар – недостаточная цена за привозную ученую блоху, так что я обратился к Холлорану. «Это легко установить, – отве-

тил он, – потому что цена их занесена в таможенные книги Соединенных Штатов в то время, когда профессор уплатил за них ввозную пошлину! Я порожусь, посмотрю, сколько он за них уплатил пошлины». – «Но, может быть, профессор совсем ничего за них не платил?» – говорю я. «Не может быть, – отвечает он, – потому что если он не совсем глупый человек, то заплатил в свое время, иначе ему не миновать штрафа и тюремного заключения». Я загляну к вам в воскресенье в четыре часа, – сказал О'Холлоран, и сообщу вам, что узнал; надеюсь, что пошлина уплачена сполна, потому что, если профессор утаил блох при досмотре, я вынужден буду по долгу службы арестовать профессора и... Фланнери замолк и прислушался.

– Кажется, пришел поезд из города, – сказал он. – Наверное, О'Холлоран приехал. Профессор поднялся, а за ним двое друзей, которые пришли помочь ему донести до банка сто долларов. Профессор стал хлопать себя по карманам.

– Mon Dieu! – воскликнул он и все трое начали оживленно разговаривать, выпаливая не меньше трехсот слов в минуту. Потом профессор обратился к Фланнери:

– Я сейчас вернусь! – сказал он. – Я потерял одну очень ценную вещь: портрет моей дорогой матери. У меня его украли негодяи! Я иду в полицию. Скоро я вернусь.

И, не ожидая ответа, профессор выбежал из комнаты.

Больше его не видели ни миссис Мелдун, ни Майк Фланнери.

– И подумать только, что я до сих пор голосовал за свободный ввоз – сказал Майк вечером миссис Мелдун. – Но теперь я одумался. Я вижу, что покровительственные пошлины нам нужны, миссис Мелдун, мадам!

Триста слов

Председатель «Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов» прежде всего подавлял своим величием отчасти благодаря силе характера, отчасти же благодаря занимаемому им посту и уменью приказывать. В своей узкой сфере он был даже могущественнее президента Соединенных Штатов, потому что не только руководил операциями «Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов», но и издавал для нее законы. Он мог одним своим росчерком перевернуть всю систему операций по всей дороге так же легко, как совет министров, скажем, мог ввести сокращенные наименования для государственных департаментов. Он сидел в главной конторе Компании во Франклине и говорил: «это надо будет сделать». И во всех пригородах, где имелись отделения и конторы Компании, распоряжение его вводилось циркулярно под угрозой немедленного отстранения от службы. Даже Фланнери, по природе мало склонный к подчинению, в своем Весткотте почесывал свои рыжие волосы, ворчал, но приказы все же выполнял.

Однажды утром в кабинет председателя вошел старый Симон Гратц и уселся в свободное кресло; его ворчливое сопенье уже с давних пор действовало на нервы председателя, как скрежет пилы, и он немедленно приготовился противоречить Гратцу, невзирая на причину его недовольства.

Симон Гратц был недоволен упрощением правописания. Он протянул газету председателю и пожелал знать, что тот думает о таком обрезании хвостов у добрых старых английских слов тупым перочинным ножом официальных распоряжений, о разрушении и засорении языка, о превращении его в какой-то жаргон или в болтовню женщины без двух передних зубов.

Случалось, что председатель не знал заранее, в чем будет убеждать его Симон Гратц, попадал впросак и начинал возражать, а потом оказывалось, что Симон Гратц делал то самое предложение, о котором подумывал председатель, но отказываться от своих слов он уже не мог и должен был возражать сам себе. Об упрощенном правописании он был готов спорить с Гратцем, так как тоже прочел газету. Раз Гратц возражал против, председатель должен был защищать реформу правописания.

– Что я думаю? – сказал он. Я думаю, что это величайшая реформа, небывалый шаг вперед по пути прогресса. Вот что я думаю. Это революция. Вот что я думаю, мистер Гратц!

Он откинулся в кресло и стукнул кулаком по столу в подкрепление своих слов. Мистер Гратц засопел. Он придерживался консервативных взглядов, так как был крупным акционером Компании. Его сопенье было похоже на дыхание разъяренного быка. Однако, президент не смутился и сказал: «Ба».

– Я вам скажу, что это такое, – заговорил Гратц, наклоняясь к председателю через стол, – это идиотизм...

– Не говорите так! – воскликнул м-р Смаллей. – Я не хочу выслушивать таких слов. Что вы понимаете в английском языке? «Гратц»! Хорошенькая фамилия для человека, претендующего на звание эксперта по английскому правописанию! Разве я не знаю вашей биографии, мистер Гратц? Разве я не знаю, что вы сократили свою фамилию, а настоящая ваша фамилия Гратценшейнбургер? И вы еще имеете смелость осуждать нашего президента и передовых талантливых людей страны за то, что они собираются выбросить несколько бесполезных букв в трехстах словах! Я вам говорю, что эту реформу давно следовало бы провести. Да, давно! Теперь век деловых людей, мистер Гратц, и как вас там дальше! Да, сэр! И вы сами, как деловой человек, должны приветствовать эту реформу, придуманную лучшими учеными для облегчения работы деловых людей.

– Да вы посмотрите на них! – взвизгнул м-р Гратц, тыча пальцем в список трехсот урезанных слов и размахивая газетой перед носом мистера Смаллей. – Прогресс? Это анархия! Безобразие! Рубить хвосты у слов, как у собак.

Мистер Смаллей не настолько интересовался вопросом о сокращении слов, чтобы изучить его помимо краткой газетной заметки. Он даже не прочел всего списка из трехсот слов. Но теперь он заинтересовался. Сокращенное правописание стало теперь так близко его сердцу, что он вырвал газету из рук Гратца и пробежал список слов.

– Прогресс! Да, прогресс! Вот настоящее слово! – воскликнул он. – И это по мне! Здесь сказался дух Америки, реформу должен приветствовать каждый, если он только не ископаемое!

Это был деликатный комплимент мару Гратцу, но тот так привык получать комплименты от м-ра Смаллея, что не выразил признаков удовольствия, только еще больше покраснел и надулся.

– Подумайте об экономии, которая получится, если каждая контора в Америке будет сокращать при написании хотя бы по одной букве в слове – горячо продолжал м-р Смаллей. – Экономия на одних чернила даст не менее тысячи долларов в год. А в корреспонденции всей нации это составит миллионы. Миллионы долларов экономии на одних чернилах, не говоря уже об экономии времени.

Он вскочил и стал ходить из угла в угол, размахивая руками. Это помогало ему поддерживать боевое настроение, а он всегда горячился в присутствии мистера Гратца.

– Да, сэр, – говорил он, пока его собеседник, развалившись в кресле, следил за ним с ехидной улыбкой. – И я вам скажу даже больше. Политика нашей Компании зиждется на экономии. Да, сэр! И наша Компания первой введет у себя упрощенное правописание этих трехсот слов! Да! Назло всем обскурантам! Мисс Мерриль!

Дверь кабинета открылась и в нее просунулась прическа «помпадур», затем показалась и вся стенографистка. Она не торопясь опустилась на стул, положила свой блокнот на бюро в ожидании, пока председатель составит нужную фразу.

Хорошо отточенный карандаш висел перпендикулярно над раскрытой страничкой. Стенографистка поправила свободной рукой прическу, укрепила несколько шпилек и одернула спереди блузу.

– Пишите, резко сказал м-р Смаллей. – «Генеральный приказ номер (вы поставите очередной номер, мисс Мерриль!). Всем служащим „Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов“. Начиная с сего числа, все служащие должны в своей служебной и всякого рода официальной корреспонденции руководствоваться прилагаемым списком из трехсот слов. По распоряжению председателя». Прочтите, что вы написали.

Мисс Мерриль засунула одну руку за спину, поправляя пояс (она была из тех девиц, которые в одно и то же время могут и работать, и заниматься туалетом), и прочла: «Генеральный приказ номер семьсот девятнадцатый. Всем служащим „Междугородной Железнодорожной Компании Экспрессов“. Начиная с сего числа, все служащие должны в своей служебной и всякого рода официальной корреспонденции руководствоваться прилагаемым списком из трехсот слов. По распоряжению председателя».

– Так, – сказал председатель, вырывая кусок из газеты. – Вот список этих слов. Размножить и вручить каждому из наших служащих здесь и по линии. Поняли?

– Да, сэр, – ответила стенографистка, поднялась, поправила шарф и вышла.

Мистер Смаллей уселся на место и стал разбирать бумаги, очень довольный собой.

Мистер Гратц поднялся и молча вышел из кабинета. Но когда за ним закрылась дверь, он улыбнулся. Один из активных членов «Лиги Упрощения Правописания» был его личный друг. Мистер Гратц пришел к Смаллею, чтобы убедить его ввести упрощенное правописание, и добился этого, пользуясь своим испытанным методом.

На следующий день Майк Фланнери, весткоттский агент «Компании Экспрессов», сидел за своим бюро в конторе, старательно, буква за буквой, выводя письмо к Мэри О'Доннель, предмету своей пылкой симпатии. Он услышал свисток поезда из Франклина. У него оставалось еще несколько минут до прихода поезда, и он пробежал написанное: «Дорогая Мэри О'Доннель. В ответ я должен сказать, я не хотел ничего дурного, когда целовал вас, я считаю вас леди, но мои чувства к вам слишком сильны, я люблю вас, если вы не хотите, я не буду вас больше целовать, хотя это лучший поцелуй в моей жизни...»

Майк остановился, чтобы густо замазать слова насчет самого лучшего поцелуя, потому что, подумав, он решил, что это недостаточно сильно сказано, потом, как часто бывает с влюбленными, разорвал письмо на клочки и пошел встречать поезд. Обрато он вернулся с несколькими посылками и двумя большими официальными конвертами, положил посылки на прилавок и вскрыл первый конверт. Там оказался напечатанный на mimeографе циркуляр, пахнувший бензином, запах которого в уме Фланнери всегда ассоциировался с новыми заботами. Значит, вводятся новые правила или изменяются старые. Все приказы вообще отдавались под угрозой увольнения, и Фланнери под рыжими волосами держал в памяти столько циркуляров, правил и приказов, что сам не знал, не нарушил ли какой из них и не прогонят ли его со службы.

Майк прочел и сморщил лоб.

– „Генеральный приказ номер семьсот девятнадцать“ – медленно читал он. – Неужели же я получил от них только семьсот девятнадцать приказов? Не может быть. Мне кажется, это уже сорок семь тысяч семьсот девятнадцатый приказ, который я должен прочесть и запомнить. Когда председателю или вице-председателю, или делопроизводителю, или казначею, или мальчику-посыльному в главной конторе нечего делать, они выдумывают какой-нибудь новый приказ и посылают его агенту Фланнери.

– „Ну, что новенького сегодня?“ – спрашивает председатель. – „Да вот нечего делать“, – отвечает казначей. – „Тогда накатайте генеральный приказ и пошлите Фланнери распоряжение выучить наизусть Декларацию Независимости, – говорит председатель, – а то, может, он там лентяйничает“ – „А может быть, прибавить еще и Конституцию Соединенных Штатов?“ – спрашивает казначей. – „Пожалуй, – говорит председатель, – а то ему, наверно, нечего там делать“.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.